
Т. Е. ВЕДЕНСКАЯ, А. М. АНОХИН

ЯЗЫК НАУКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Хороший политический анализ – это результат как объективных условий, так и субъективного фактора, – прежде всего умения правильно и глубоко диалектически понять сущность происходящих в обществе процессов, дать им верную интерпретацию.

Современный этап развития политического анализа, политической теории и практики характеризуется возрастанием требований к объективности их результатов. Это породило и повышенный интерес к логико-математической и семантической стороне точности знания. Тем самым происходит определенный перенос центра исследований в гносеологической проблематике политики на само знание, а конкретно – в область отношения политического знания и субъекта познания. Отсюда следует необходимость анализа логической структуры знания, способов экспликации политических понятий, предпосылок, проблем и предельных оснований знания, анализ языка и фактора человека в политическом анализе.

Точность – это путь к истинному знанию в политических науках. Она имеет конкретно-исторический характер. Обычно выделяют формальную и содержательную точность. Последнее приобрело особо важное значение, когда центр методологических исследований переместился с непосредственного анализа объекта на исследование самого знания (логическая структура, проблемы оснований и трансляции знания и др.). При анализе проблем точности в центре внимания оказываются логическая и семантическая точность. В политологии она проявляется в однозначности используемых понятий и правильности их экспликации, в

логических средствах развертывания и формализации политической теории. Еще один аспект проблемы точности политического знания связан с логикой культурно-исторического становления и развития самого политического анализа. Сюда относится и формирование собственного научного языка, строгих научных понятий и терминов с развитыми формами представления и понимания своего предмета. В этой связи можно отметить, что проблема точности политического знания имеет в своей основе и анализ языковых форм культуры в широком смысле слова как на уровне метаязыка, так и предметного языка, «слова» и «понятия».

Язык существует объективно в речевой деятельности людей как социальный факт и наряду с другими явлениями обеспечивает существование общества, всей духовной культуры, в том числе политики и политологии. Язык, конечно, непосредственная действительность мысли, но вместе с тем это и инструмент познания. Уже формирование чувственного образа, понимание факта непосредственно связаны с языком. Язык всегда представляет собой нечто большее, чем простое озвучивание или знак. Из его сложности вырастает многообразие функций.

Из всех функций языка первостепенное значение имеют коммуникативная и когнитивная функции. Когнитивный подход к языку в политической науке – это определенный подход к проблемам организации, выражения (представления), обработки и использования знаний. Следует непременно отметить теснейшую связь когнитивной функции языка с проблемой точности знания.

С конца XIX в. теоретико-познавательные и методологические проблемы науки тесно смыкаются с особым комплексом вопросов логики, теоретической лингвистики, семантики, т. е. в центр исследований встают проблемы языка.

Можно отметить, что имеются различные точки зрения на язык науки, на оценку когнитивной роли субъекта в познании. Важно видеть, что имеются различные концепции

«философии науки» – феноменологическая, герменевтическая, экзистенциалистская и т. д., – и все они дают определенное понимание всего или части исследовательского поля и познавательного инструментария политического анализа, которое как бы переносит такое видение на уровень концептуальных схем и конкретных теорий, помогает формировать те или иные подходы к пониманию «вечных» и современных проблем политики с учетом семантической точности и фактора человека.

В современном «лингвистическом повороте» с акцентом на язык, его синтаксис, семантику, прагматику речь идет не о мире как таковом, не о бытии в его непосредственной данности, а о правильности или неправильности языковых высказываний, об осмысленности самих вопросов, о логической корректности аргументации, понимании и интерпретации при функциональном подходе к пониманию языка: значение слова есть его употребление. Лингвистическая философия, имеющая в основе тезис «значение есть употребление», формулирует ряд важных направлений исследований; в том числе принцип интенциональности с выходящими на первый план персональной или мотивационной установкой, влияющей на структуру языковой коммуникации, в том числе в психологии и политике, и наконец, понимание и интерпретация в их «аналитической» и «герменевтической» традиции.

Познающие субъекты и широкий круг внеязыковых факторов создают реальные условия функционирования языка науки. Индивидуальное когнитивное состояние субъектов познания (носителей языка), различный познавательный и жизненный опыт влияют не только на непосредственный контекст употребления языка (вербальный – невербальный, социокультурный в широком смысле), но и предполагают невозможность когнитивного единообразия этих субъектов, так же как невозможно построить один универсальный (унифицированный) язык для всего научного познания в целом, обойтись в науке без естественного языка.

В ходе анализа языка (логическом и семантическом), при анализе естественных и искусственных языков закладывались основы анализа и языка науки, в том числе политологии. Естественный (обыденный) язык наряду с научным является одним из главных компонентов социокультурного контекста, в рамках которого функционирует политика. Политики говорят, пишут и думают на естественном языке со всей его многоаспектностью, многоуровневостью, универсальностью, креативностью, изменчивостью и стабильностью.

Из всех знаковых систем естественный язык является самой богатой и универсальной системой человеческого общения и взаимопонимания; только на естественном языке могут быть поняты и осмыслены все другие знаковые системы. Естественный язык – семантический интерпретант всех других систем знаков и символов. Язык, речь – это открытая семантическая система, которая обеспечивает понимание действительности, генерацию творческой информации, новых смыслов и перестройку сознания людей. Язык является «инструментом понимания» во всех формах общественного сознания.

Естественный язык является источником и обязательным условием существования языка науки. Полисемия естественного языка, его универсальная гибкость, с одной стороны, и точность (относительная) языка науки – с другой, являются определенной оппозицией. Анализ языка науки, это, в частности, решение вопросов построения системы терминов (понятий), описание типов определений. Он включает в себя и описание структуры знания, построения, оценки и применение различных типологий и классификаций. Как набор некоторых формальных знаковых систем с правилами интерпретации он связан с проблемами адекватности и точности знания.

Язык науки – способ, средство объективизации научного знания. В широком смысле слова он представляет как некоторые глубинные основы научного текста, так и те аспекты языка, которые определяют его взаимоотношения с

внеязыковой действительностью и прагматической ситуацией, на него опираются представления о лингвистической и экстралингвистической семантике. Язык науки как основание научного знания позволяет данные сенсорного опыта свести к перцептивным высказываниям. Признаком такого анализа является различие двух уровней «языка науки»: «язык наблюдений», состоящий из понятий, описывающих непосредственно наблюдаемые явления и события, и «язык теорий», который включает понятия, обозначающие аналитически выведенные «явления», «идеализированные объекты». Попытка уточнить природу этих предложений вызывает значительные трудности. Если источником и обязательным условием существования языка науки является естественный язык, то наиболее действенными инструментами его формирования являются математика и логика, а также философия, лингвистика и психология.

Основной задачей логического позитивизма и логической семантики был анализ языка науки, прежде всего языки естественных наук, который рассматривался с точки зрения языка развитых точных наук (физика, математика), для описания которых уже широко использовался логико-математический аппарат. Поскольку, как известно, логико-математическая формализация лишь приближенно отображает содержание объекта изучения, то для более точного отображения в конечном счете необходимы элементы естественного языка, который, как известно, всегда включен в язык любой формализованной научной системы, а с ним в научное знание входят и проблемы точности, и элементы личностного знания.

Исследование проблем языка, понимания и интерпретации имеет важное значение в связи с проблемой точности и фактором человека в политическом знании. При этом из нескольких видов точности: метрическая, логико-математическая и семантическая – нас в данном случае интересует семантическая точность, связанная как с обыденным языком и языком науки, так и с «человеческим измерением» знания, с диалектикой объективного и субъективного. Ана-

лиз методологической и инструментальной роли языка, понимания и интерпретации в политическом анализе требует учета различных подходов к ним, когда та или иная «объяснительная», «понимающая» или интерпретационная позиция обуславливает принятие или непринятие тех или иных методологических принципов.

Если исходить из того, что семиотика состоит из синтактики (изучение синтаксиса знаковых систем и их отношений друг к другу), семантики (изучение знаковых систем как средств выражения смысла, отношение знаков к тому, что знаки обозначают, к объектам действительности и понятиям о них, интерпретация знаков и знаковых сочетаний) и прагматики (изучение отношений между знаковыми системами и людьми, которые их воспринимают, интерпретируют и используют, т. е. пользуются языком), то предметом нашего анализа являются семантико-прагматические аспекты языка в политическом анализе. Наука на современном этапе наиболее тесно связана с семантикой и прагматикой, причем в ней используются знаковые системы как искусственных, так и естественных языков. На стыке общетеоретических исследований по семиотике и различных семиотических дисциплин разрабатываются многочисленные описания алгоритмических языков и языков программирования, реализующие на достаточно высоком уровне абстракции (но в применении к совершенно конкретным знаковым системам) общие принципы семиотики и математической логики.

Специфической задачей семиотики в политическом анализе является различение, выявление практического значения и обозначение терминами языка политики чувственно воспринимаемых признаков социальных процессов, связанных с динамикой в политической сфере общества. Реально, конечно, дело обстоит гораздо сложнее, поскольку и сами «чувственно воспринимаемые» признаки, само их получение связано с целым рядом опосредований, и процесс политической практики связан с конкретными

концептуальными схемами, стилем мышления, дисциплинарностью и т. д. И в первом, и во втором случае встает проблема точности в семантическом и прагматическом аспектах: «чувственное восприятие» как отражательный акт «теоретически нагружено», а переход от единичного к общему осуществляется и проверяется в том же концептуальном пространстве, которое выступает теоретической предпосылкой чувственного восприятия.

Логические структуры естественных языков содержат многозначность (неопределенность) значений понятий и теоретических построений на основе таких языков. Такое их несовершенство и одновременно преимущество перед искусственными (формализованными) языками обеспечивает возможность их развития и полифункциональности. Одновременно при таком положении вещей, по мнению многих авторов, имеет место принципиальное ограничение метрической, логической и семантической плоскости точности и строгости знания.

В логическом позитивизме существовала отчетливая тенденция преувеличения роли точности и строгости в развитии научного знания. В частности, логико-математическая точность рассматривалась логическими позитивистами и их исследователями как одна из высших ценностей научного познания. Однако с начала 60-х годов нарастала критика преувеличенных представлений логических позитивистов о точности знания, в свою очередь сменявшаяся новыми подходами, претендующими на своеобразный синтез логической строгости неопозитивистов, точных методов языка науки с постпозитивистским историзмом и культурно-социологическим подходом к анализу структуры и роста научного знания. В этом контексте анализ обыденного языка выявляет «фоновые» знания о мире, характер редукции смысловых компонентов, некоторые общие соответствия смыслов и значений совершаемых поступков и действий, речевых актов и т. д. В политике особенно отчетливо видна роль языкового контекста, связь языка с внеязыковым контекстом его употребления, без чего невозможно решить

вопросы значения как употребления и другие проблемы, связанные с контекстной теорией значения. Именно поэтому адекватность или неадекватность контексту деятельности, а с другой стороны – глубина и обоснованность языковых выражений – важные аспекты политического анализа.

Язык политики имеет сложное строение. Его основой, как и любого языка, является естественный язык. Его центральное ядро – собственный понятийный аппарат для выражения эмпирической и теоретической политической информации (язык наблюдения, эмпирических и теоретических конструктов) философских категорий, лежащих в основании той или иной теоретической системы политического знания, а также понятий смежных, взаимодействующих с политологией наук (право, экономика, этика и др.), выполняющих специфические гносеологические функции. С гносеологической точки зрения язык политики является производным от естественного языка образования, имеющим глубокую познавательную-языковую специализацию, с особым развитием вербально-терминологической компоненты. Политическая терминология, насчитывающая многие тысячи терминов, еще не нашла своего упорядоченного выражения. Она отличается многозначностью терминов, обилием синонимов, широкой эпонимизацией, внедрением иноязычных терминов, как это сейчас модно, англицизмом, заимствованием терминов других наук. Все это приводит к терминологической путанице, противоречиям и парадоксам, которые негативно сказываются на взаимопонимании ученых-политологов и практических политиков, на решении проблем компьютерной обработки информации. Не нашли еще однозначного, строгого определения многие термины политической науки.

Анализ языка политической науки – это широкий круг вопросов различных наук. Поэтому для методологического анализа важны, в первую очередь, проблемы логического анализа языка и решение философских вопросов анализа языка теоретического знания в политической науке. Конечно, в этом случае наряду с новыми вопросами актуализи-

руются и традиционные, которые конкретизируются в связи с анализом языка. При решении теоретико-познавательных проблем в политологии, бесспорно, должны быть привлечены и семантические аспекты проблемы.

Язык политики создается прежде всего для фиксации и передачи научной информации: в нем на первый план выходит когнитивная функция. Слова и понятия – это реальности культурного и профессионального сознания, тот уровень, с которого начинается первоначальная фиксация знания, его понимание и интерпретация. Здесь в политическом мышлении возникает первый слой противоречий – «слова» и «вещи», разрешение которого ведет к важному условию точности политического знания – образованию слов-терминов с определенной смысловой структурой (по возможности однозначной), эмпирически выверенной и теоретически глубоко обоснованной.

В политике проблема языка – это решение вопроса о ее «языковом каркасе», о логическом и понятийном строе, о том, насколько достоверно наше знание, и с какой точностью, однозначностью и полнотой способен его выразить созданный для этой цели язык. Объективные основания точности и определенности языка политики кроются в характере самого политического знания – в соотношении эмпирического и теоретического (язык наблюдения и язык теории), в возможностях и пределах формализации ее языка, ограничений такой формализации спецификой языковой системы, предметной областью и уровнем развития политического знания. Язык политики как семиотическая система базируется на естественном языке и в то же время имеет существенные отличия от него благодаря большому удельному весу специальной терминологии. Он исторически сложился как средство отражения определенного уровня общественных отношений, как средство общения людей, вовлеченных в политическую жизнь, как знаковый механизм передачи политических знаний. Язык политики состоит из терминов, слов и словосочетаний, являющихся более или менее точным отражением элементов, структу-

ры, функции и процессов в политической сфере жизни общества. Он характеризуется специальной лексикой, особыми приемами выработки значений, в которых закрепились результаты отражения людьми политических процессов. Наконец, язык политики – это иерархическая система знаков, служащая средством успешной социально-политической коммуникации (познания, общения и т. д.), а также формой хранения, существования политического знания.

Как известно, идеалом языка науки является точность и строгость, которые достигаются, во-первых, путем введения символических обозначений (при этом сохраняется достаточно отчетливо выраженная «размытость» смысла) и, во-вторых, путем построения исчислений (при этом также не достигается абсолютная точность). Исходя из природы логической точности, как в случае формализации политической теории или ее элементов, так и в политическом мышлении, следует иметь в виду, что как на уровне эмпирического познания, как и на уровне теоретического мышления, нельзя прийти к заключению, верному в большей мере, чем верны исходные посылки, т. е. корректность логического вывода в самом общем виде предполагает, что из истинных посылок должны выводиться только истинные заключения (конкретный истинный политический прогноз и т. д.).

С некоторой долей условности можно утверждать, что задача любого политического исследования включает, в частности, точное объяснение установленных фактов. Путь к достижению этого – использование логического аппарата, языка политики, понимание и интерпретация. Для этого, конечно, нужно иметь хорошо разработанную систему понятий, терминов, позволяющих в процессе познания продвигаться от явления к сущности, от эмпирического к теоретическому, измерять и оценивать качественные и количественные отклонения, создавать цельную систему знаний.

Прагматический аспект точности в политическом знании имеет неограниченный спектр, связанный с семантиче-

ским анализом, пониманием и интерпретацией отдельных явлений и фактов, а также политических теорий различного масштаба. Переход от одной ступеньки к другой является одновременно переходом от единичного к общему, от эмпирического к теоретическому, от чувственного восприятия признака к абстрактно-логическому исследованию политических процессов, политической сферы жизни общества.

Языковой каркас теоретического знания в политике опирается на научные теории, которые отличаются от самих изучаемых предметов, явлений и взаимосвязей между ними. Поэтому вопрос о детерминантах развития языка политики, о связях его с другими науками, научными картинами мира, теоретическими и концептуальными схемами в самой политике заслуживает самого пристального внимания. Тем более, что он выступает как специфическая семантическая система, связан с проблемой истинности и точности политических знаний, с процессами их интеграции и дифференциации.

Эмпирическое отражение политических процессов на каждом этапе опосредовано теоретическим отражением, т. е. «теоретически нагружено». Налицо зависимость значений терминов от соответствующих теорий, на которых основана используемая методология; термины могут быть поняты только при усвоении этих теорий. Здесь уместно вспомнить, что введение теоретической концептуальной схемы или новой теории ведет к изменению взгляда на мир политики, а также к соответствующим изменениям значений даже наиболее «фундаментальных» терминов данной теории. При этом в случае функционального подхода к значению на первый план выступают проблемы контекстного характера значений понятий, что связано с функционально различными подсистемами политики.

Эмпирическое обоснование политического знания начинается не с некоторых наблюдений, которые фиксируются в словах и выражениях в виде т. н. перцептивных предложений (от лат. *perceptio* – представление, восприятие). Учитывая наличие в таких предложениях когнитивно-

творческого компонента, можно утверждать, что перцепция выражает исследовательскую установку на выбор наиболее важных признаков и отсеивание второстепенных уже при их подведении под теорию. Такая селективность наблюдения дает основание считать формирование «пространства признаков» политического процесса направленной классификацией, поскольку в самой реальности не содержится никаких классификаций, которые бы воспринимались познающим субъектом в качестве эмпирического данного. Тезис о «теоретической нагруженности» политического сознания в данном случае имеет тот смысл, что как научное, так и политическое наблюдение является особой разновидностью когнитивно-творческой деятельности. Действительно, личностный мир и индивидуальный опыт выступают как необходимые компоненты политического наблюдения; оно не обезличенный процесс оперирования абстрактными эвристическими конструкциями, а творческое освоение человеком его жизненного мира. Сам факт, что базовые предложения являются все-таки предложениями, т. е. формируются в определенном языке и приписывают определенные качества определенным объектам, свидетельствует, что данные чисто эмпирического опыта подвержены отбору, что произошел процесс абстрагирования от многих сторон объекта. Без учета «теоретической нагруженности» и роли предшествующего опыта, говоря словами Гегеля, восприятие становится «чистым, пустым созерцанием». Здесь важно правильно понять смысл и соотношение в познании тезисов: «сначала наблюдай, а затем теоретизируй» и «сначала учись, а затем наблюдай». Реально восприятие политических процессов опосредуется уже имеющимися у субъекта практическим опытом и запасом знаний о политике и социальных процессах в целом.

Можно смотреть и не видеть, слушать и не слышать, если у исследователя отсутствует «теоретическая нагруженность» сознания, т. е. отсутствуют когнитивные исследовательские программы, которые в реальных процессах не всегда выступают в виде осознанных, целенаправленных

идеальных структур. Таким образом, язык политики на уровне перцептивных предложений, на эмпирическом уровне включает в себя теоретические концепции, связанные между собой аналитическими соотношениями, и понятия, определенные операционально в языке наблюдения.

Развивающийся метатеоретический анализ политического знания показывает, что перспективы развития политического познания во многом зависят от рационализации, упорядочения, унификации уже имеющихся понятий и терминологических систем. Можно, например, выделить понятия бихевиористические, описывающие признаки, и теоретические. Семиотическая сторона исследования их взаимосвязи основывается на логическом анализе цепочки переходов между эмпирическим познанием конкретного процесса, факта и использованием теоретических моделей описания жизнедеятельности общества с политической точки зрения.

Значение термина, который мы употребляем, зависит от теоретического контекста, в который он входит. Термины – это не только слова естественного языка, но и принадлежат различным наукам, как термины имеют различное содержание и уровень абстрактности, они получают свое значение, будучи частью теоретической системы. Природа термина, общие закономерности его понимания и истолкования являются предметом пристального внимания многих философских направлений XX в. Разработка лингвофилософской природы термина играет важную роль в формировании и развитии политического знания. В политике смена одной концептуальной схемы другой ведет к изменению значения терминов, а в рамках исследовательских и практических программ возникают новые термины. В дисциплинарных единицах политического знания также происходит как изменение, так и возникновение новых терминов. Следовательно, значение всех предметных терминов политической теории детерминировано всем контекстом теории и политической жизни и изменяется с изменением этого контекста. Проблема уточнения политических понятий

остаётся постоянной, содержательной задачей на каждом этапе развития политической науки и практики, а смысл, содержащийся в них, зависит не столько от уровня их развития, но и от уровня развития общества. Политические понятия, следовательно, характеризуют эпоху, цивилизацию, конкретную политическую борьбу. Такое понимание динамики и статики политической языка и терминов политики вытекает из того, что эта процедура в действительности является не просто семантической проблемой, но и практической проблемой методологии анализа политики. Семантический анализ показывает, что термины в политической науке возникают как результат развертывания конкретной исследовательской программы, когда то или иное понятие становится содержательно наполненным и обретает статус научного термина путем присвоения «имени» этому установившемуся понятию. Как известно, проблема семантической точности есть прежде всего проблема осмысленного употребления языка науки. Уточнение языка политики, ее понятийного аппарата не только языковая, но и в существенной мере метатеоретическая проблема ее оснований, т. е. уточнение языка в науке – это уточнение ее оснований через строгое определение соответствующих понятий (уточнение терминов «демократия», «диктатура», «политическая власть», «суверен» и др., в том числе уточнения, связанные с принятием политическим знанием формы дисциплинарной науки). В силу обусловленности развития политики и ее языка философским, экономическим и социогуманитарными процессами оказывается невозможным исчерпывающее уточнение смысла понятий. Так, например, изменение представлений о рациональности знания в политике происходит в связи со сменой парадигм и научных программ, когда возникают новые метатеоретические проблемы обоснования знания и проблемы уточнения политических понятий.

Научные термины осмысливаются не в субъективно-личностных значениях, а в контексте общественной, интерсубъективной рациональности, абстрагирующейся от

индивидуальности субъекта. Из того обстоятельства, что язык концептуальной политической теории и язык обыденного обмена политической информацией не совпадают и соответственно они выполняют различные функции, вытекает ряд важных методологических следствий, в частности, коммуникативный характер установления значения признаков на основе вербального поведения, хотя коммуникативный характер имеют и поведенческие акты, получающие свои «значения» в вербальных интерпретациях конкретного политика; значение концептуальных терминов всегда определяется на основе вербализованной информации.

Разработка концепции научного политического термина в семантическом аспекте связана с анализом его сущности и изменения его значения в связи с исторической реконструкцией политического знания, с вопросами значения термина и теории, научного термина и указываемого им объекта.

Следует иметь в виду, что поскольку анализ политических понятий и терминов политики ведется в контексте «восхождения» от обыденного (предметного) языка к теории и практике, то в этом случае выделяется ряд проблем, имеющих отношение к точности политического знания. Например, актуальными в этом смысле слова становятся исследования соотношения теоретических терминов с терминами наблюдения, анализ теоретических средств описания объекта теории (например, реальность геополитических векторов и др.). С изменением идеала научности в политическом знании, с усилением роли социогуманитарного знания, становлением ценностного, структурно-функционального подходов становится насущным метатеоретическое исследование не только «роста» политических знаний, но и их «трансляции», перехода и взаимодействия различных концептуальных систем в политической науке и происходящих в связи с этим изменением значений понятий. Проблема точности встает и в связи с анализом соизмеримости различных теорий (например, иерархия и сменяемость теорий диктатуры, этатизма, тоталитаризма,

фашизма и др.). При этом заметно усиливается роль логических идей и лингвистики с соответствующими требованиями к точности как предметного, так и метаязыка. Здесь следует отметить связь проблемы точности и с известными идеями о двух уровнях языка науки, тезиса о теоретической нагруженности эмпирического опыта, а также с двумя аспектами «значения» – референцией и смыслом, как они понимаются в логике и лингвистике. Одно из условий точности в этом смысле – контекстно зависимый подход к референции.

В процессе смены теоретических концептуальных схем происходит и изменение в языке политики. При этом языковая структура политического знания многослойна и обладает различной степенью устойчивости своих элементов в ходе концептуальных изменений в самой политике. При изменении языка следует видеть, прежде всего, изменение определенной части фундаментальных понятий, которые вербально и семантически становятся чужеродными новой теоретической концептуальной схеме и, более того, в ее контексте лишены прежнего смысла. Конечно, и в новой теории возникают определенные фундаментальные понятия, заимствованные из языка старой теории, но они семантически трансформируются таким образом, что правила их функционирования в контексте нового знания становятся несовместимыми с правилами, по которым эти понятия функционировали в языке предшествующей теоретико-концептуальной схемы. В новой концептуальной схеме формируются и новые категории, понятия и термины, которые отражают изменение круга изучаемых явлений, новые теоретические конструкторы и изменение понимания предмета политики. В первую очередь это понятия, вводимые в структуру политических теорий с помощью ее исходных оснований – философских принципов, аппарата концептуальных схем и принципов самих теорий.

По мере развития научных политических концепций и расширения компьютерной обработки информации в политике вопросы точности и однозначности политических терминов, языка политики привлекают все большее внима-

ние. Так, в аспекте точности знания в политической науке следует, в частности, принять в расчет такие лингвистические моменты, как знания о дискурсе, иерархические знания, прагматические знания об общих для участников представлениях и действиях, знания о предметной области и др. Возлагая надежды на сопутствующую компьютеризации формализацию языка, нельзя забывать, что это дает повышение точности лишь в рамках данной концептуальной схемы, исследовательской программы и т. д.

Исследование языковых средств политического теоретического знания выявляет ряд проблем, корректная формулировка и анализ которых требует собственно политических, экономических, математических, социальных и др. знаний. Язык политики конкретно-историчен, и поэтому его понимание предполагает понимание политических терминов, категорий, схем, правил и т. д., которые очерчивают границы и внутреннюю логику языкового мира как конечной исторически ограниченной модели, способной в известных пределах эффективно описывать реальность.

Решение теоретико-познавательных проблем в политологии тесно связано как с проблемой общей теории познания, так и с идеями политической семиотики, конкретно – с анализом обыденного и теоретического языка политики, с постановкой новых оригинальных идей, в частности, идей измерения и точности политического знания.